

Россійскій, или Свѣтъ и Тѣнь.

АББАДДОННА.

СОДІНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

Toutes les pages de la vie humaine sont dignes d'être lues. Le sage nous instruit, le gai nous amuse, l'imprudent nous enseigne ce qu'il faut éviter, l'absurde nous guérit du spleen.

...

Каждая изъ страницъ человеческой жизни достойна быть прочитанною. Умная научаетъ насъ; веселая забавляетъ; безразсудная изъясняетъ намъ, чего надобно избѣгать; нелѣпая выводитъ насъ отъ сплина.

...

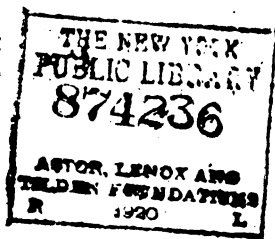
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

*A D M

891.78
P7577a6
1961

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ.
Москва. Іюня 9 дня 1839 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- Глава I. Поэтъ на сценѣ. Жизнь, Любовь и Поэзія
 II. Директоръ Театра.
 III. Страсти и Жизнь.
 IV. Сердце дѣвушки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

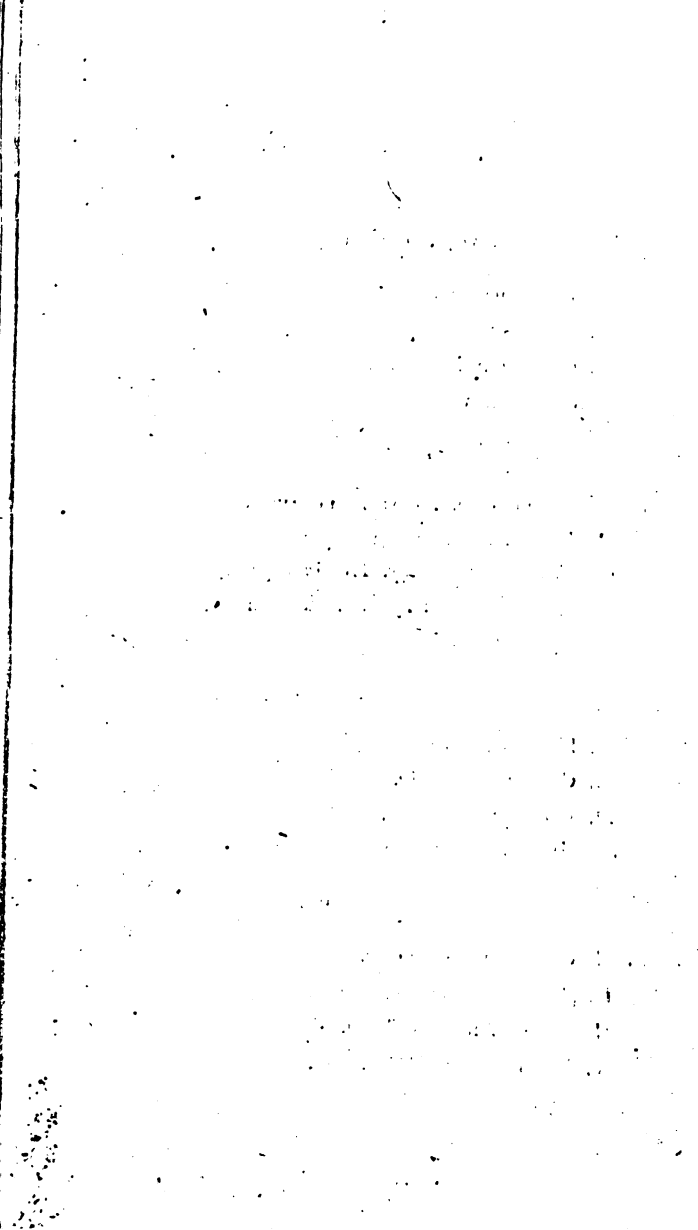
- Глава I. Литераторы. Поэтъ изъ передисей.
 II. Вторая глава сердца дѣвушки.
 III. Театръ на изнанку. Поэзія страстей.
 IV. Сцена, ложа и кулисы. Третья глава сердца дѣвушки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- Глава I. Падшій Духъ.
 II. Страсти и Поэзія.
 III. Поэтъ и Человѣкъ.
 IV. Люди и Искусство.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

- Глава I. Страсти и Женщина.
 II. Добро и зло, Демонъ и Ангелъ.
 III. Поэтъ и просто Люди.
 IV. Цѣпи жизни. Аббадонна.
-

— Наша Жизнь, наши отношенія
разлучаютъ насъ съ Поэзією.

»Но можете ли вы отдѣлить совершенно Поэзію отъ Жизни?«

»Что такое Жизнь, если не Поэзія,
только прозою выраженная?«

»Что такое Поэзія, если не та же
самая Жизнь, разцвѣченная стихами во-
ображенія и риемою мечты!«

— Нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ чело-
вѣкъ отдѣлилъ часть души своей, и

создалъ изъ нея *Искусство*, *Поэзія* перешла въ это созданіе человѣческое, а душа человѣческая, лишенная теплоты поэтической, сдѣлалась холодна, подобно уму.

»Будто это возможно! — Какое Искусство придумать и выразить все то, что придумываетъ и выражаетъ Жизнь? Безъ повѣрки Жизнью, ваше Искусство блестящая игрушка, кукла, которую ломаютъ умъ и опытъ.«

— И вы называете Жизнью нашъ нынѣшній расчетъ съ временемъ? И будто Жизнь, этотъ протестованный вексель на счастье, наша черствая радость, наше смѣшное горе, колыбель, сдѣланная изъ обломковъ гроба отцовскаго, крошечныя страсти, водеvilъная любовь . . . это Жизнь?

»Зачѣмъ говорите вы о мелочной спо-

способности существовать, которую люди так дерзко называют Жизнью?»

— Зачѣмъ говорите вы о привидѣніи, которое люди, такъ безбожно, называютъ Искусствомъ?

»Согласитесь однакожь, что ваше Искусство прекрасная статуя, для которой до сихъ поръ чловѣкъ дѣлаетъ форму, и едва ли когда нибудь додѣлаетъ! То онъ ставитъ ее на ходули, и одѣваетъ лоскутьями воображенія; то ломаетъ въ теоретическіе кусочки, и размѣриваетъ эти кусочки умомъ. Вдругъ онъ броситъ ее на Востокъ; потомъ кинетъ въ Средніе вѣка; потомъ въ Грецію; потомъ сердится, и готовъ забросить ее на небо, или зашвырнуть въ адъ: это жалкій списокъ съ Жизни, пестрый, смѣшной списокъ — грамота на Прекрас-

ное, подписанная злымъ духомъ, и написанная на выворотъ, по-Арабски.»

— Нѣтъ! безъ Искусства Жизнь похожа на пустыню, на лѣсъ, на вспаханное поле, а не на садъ цвѣтущій: только Искусство разводитъ на ней сады очаровательные.

»Оно худо чиститъ эти сады, и допускаетъ ихъ заростать бѣленою и чертополохомъ.«

— Которыя засѣваетъ Жизнь наша. Не правда ли?

»Постарайтесь помирить ихъ.«

— Это не возможно. Огонь и вода никогда не примирятся: либо огонь потухнетъ, либо вода изсохнетъ.

»Прекрасно! Знаете ли что: не вражда ли ихъ, не это ли кипѣніе воды,

палимой огнемъ, есть истинное соединеніе Жизни съ Поэзією, бытія произвольнаго съ Искусствомъ произвольнымъ, неволи съ волею, ограниченнаго съ безграничнымъ?»

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ люди умно поступаютъ: пользуютъ этою враждою воды и огня; варятъ себѣ пищу при ея посредствѣ; съ ея помощью двигаются по морямъ, летаютъ подъ облака, врываются въ землю. Не такъ ли точно они любятъ статуями, картинами, слушаютъ стихи и музыку, не думая о томъ, что передъ ними слѣдствіе борьбы непримиримой, гибельной, распри между небомъ и землею, между Жизнью и Поэзією?

»Но что же изображаетъ при этомъ воду, и что огонь?»

— Огонь — Поэзія; вода — Жизнь!

»Но Океанъ, это безмѣрное собраніе воды, развѣ не Поэзія?«

— Можете ли сравнивать эту огромную земляную лужу съ океаномъ огня, Солнцемъ, истиннымъ символомъ Поэзии!

»И въ лужѣ тонетъ однакожъ чело-вѣкъ, горделиво называющій себя царемъ Природы.«

— А подлетѣть къ солнцу, онъ и подумать не смѣетъ!

»Онъ дожидается пока солнце притянетъ къ себѣ землю поближе.«

— Тогда Жизнь и Поэзія помирятся:

»Хорошъ будетъ этотъ миръ
Вѣдь это смерть!«

— Да, не уже ли до тѣхъ поръ люди не узнаютъ, что совершенный миръ бываетъ только на кладбищѣ? . . .

АББАДОННА.

ЧАСТЬ I.

La Nature plus marâtre, que mère, a jeté l'homme dans la vie avec un corps nu, frêle et débile, une âme que l'inquiétude agite, que la crainte abat, que la fatigue épuise, que les passions emportent, et où cependant reste, comme à demiétouffée une divine étincelle d'intelligence et de génie

S. AUGUSTIN, *Lib. IV, contra Pelagium.*

Природа, болѣе матица, нежели мать, бросила человека въ жизнь съ тѣломъ немощнымъ, слабымъ, ничтожнымъ, съ душою, которую тревожатъ заботы, сражаетъ робость, истощаетъ усталость, увлекаютъ страсти, но въ которой между тѣмъ, хотя полузадушенная, всегда остается божественная искра разсудка и гения.

Блаж. Августинъ, противъ Пелагія, кн. IV.

АВБАДДОННА.

ГЛАВА I.

Въ одномъ изъ большихъ городовъ Германіи, столицѣ небольшого княжества, въ отдаленной улицѣ этого большого города, на четвертомъ этажѣ огромнаго дома свѣтился въ окошкѣ огонекъ. Ночь уже наступила, и была темная, осенняя. Дождь порывисто и сильно стучалъ въ окна богатыхъ и бѣдныхъ, безъ различія. Вѣтеръ свободно гулялъ по улицамъ; задуваемый имъ, огонь уличныхъ фонарей дрожалъ слабымъ отблескомъ въ грязи мостовой, а не свѣтилъ ярко для проходящихъ, которыхъ нужда, или прихоть, или то и другое вмѣстѣ, заставляли скитаться по улицамъ, подъ дождемъ, по грязи и сырости, дрожа отъ голода и вѣтра осенняго.

Но не осень и непогода, а нужда была одинакожъ главною причиною, что прохождище зябли и дрожали. Убѣдительнымъ доказательствомъ могли послужить богачи, спокойно ѣхавшіе въ то же время въ своихъ каретахъ, какъ будто совсѣмъ не было ни дождя, ни холода, и какъ будто отъ яркихъ фнарей на ихъ каретахъ исчезла для нихъ осенняя темнота. Бѣдники тащались пѣшкомъ, большая часть въ ветхихъ шинеляхъ и плащахъ, и отъ того жаловались они на холодъ и осень. Но самымъ лучшимъ убѣжденіемъ, что они сами были въ этомъ виноваты, могла послужить комната на четвертомъ этажѣ, о которой мы упомянули выше. Въ ней находился въ это время какой-то одинокій жилецъ, и онъ зябъ и дрожалъ, хотя дождь не падалъ на него сверху, а только стучалъ въ его окошко, и вѣтеръ не ходилъ свободно у него въ комнату, но только вылъ и свисталъ около стѣнъ его жилища, и по временамъ прокрадывался порывами въ ветхое окно. Бѣдный жилецъ зябъ и дрожалъ, и не могъ согрѣться, хотя на немъ надѣта была половина всего платья, какое только находилось въ его возвышенной подѣ кровлю комнату.

Странно было видѣть, что этотъ жилецъ, въ самомъ дѣлѣ, накуталъ на себя множество всякой всячины, вмѣсто одного какого нибудь теплаго плаща. Шерстяной шарфъ опутывалъ его шею, шелъ крестъ на крестъ по груди, обвивался вокругъ тѣла и завязанъ былъ на спинѣ. Но шарфъ этотъ былъ изношенъ, истертъ, и яркіе цвѣта его потемнѣли отъ долговременнаго употребленія. Онъ не составлялъ уже красиваго наряда, и не грѣлъ. Подъ шарфомъ видны были фуфайка, жилетъ, фракъ; сверхъ шарфа, сюртукъ надѣтъ былъ на незнакомца, и шинель наброшена еще сверхъ сюртука. Увы! вся эта разнообразная уборка носила на себѣ слѣды опустошеній неумолимаго времени; сюртукъ и фракъ казались сшитыми не изъ сукна, но изъ какой-то особенной ткани, безъ ворсы. Рукава ихъ были починены на локтяхъ, а края рукавовъ висѣли мелкими лоскутками. Ноги свои думалъ согрѣть незнакомецъ старою шубою, разостлавъ ее на полу, въ видѣ ковра.

Все остальное въ комнатѣ не составляло противоположности съ нарядомъ незнакомца. Въ углу находилось что-то похожее на каминъ; но,